

СОВРЕМЕННОСТЬ, ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ, МОДА

«...Своему народу можно говорить только правду. Призвание художника в том, чтобы изображать мир так, как он его видит. Можно учиться у жизни видеть по-новому, но нельзя писать то, что не увидел твой глаз художника, нельзя смотреть на мир глазами соседа. Правда не всегда легка. Но творения, созданные честной рукой, живут, они будят мысли и страсти, а все, порожденное модой, холодным расчетом, умирает быстро, и народ отворачивается от художника-дельца и проходит мимо его поблекших творений. Лучше сшибись, но не лги».

А. КРОН. «Офицер флота»

Пьесы о наших днях, о героических делах современников, о славных трудовых буднях советских людей прочно заняли ведущее место в ленинградских театрах. Ушли в прошлое те времена, когда велась борьба за включение в репертуар спектаклей на современную тему. Ведущая мысль постановки Центрального Комитета нашей партии от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» — мысль о необходимости каждому театру создавать спектакли на тему сегодняшнего дня, воспринятые творческими работниками как боевая программа действий.

Но сейчас пришло время поговорить более подробно, с полной мерой требовательности о том, что понимать под словами «современный спектакль», какое конкретное содержание вкладывается в эти слова в каждом отдельном случае.

Общепризнанным является тот факт, что в некоторых случаях возможно создание спектаклей о проблемах, волнующих современников, на материале, не связанном непосредственно с сегодняшним днем. Ярким примером может служить «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, поставленная Г. А. Товстоноговым на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

Сегодня, когда прошло почти уже семь лет со времени первого спектакля, разбираясь и осмысливая причины этого успеха, приходишь к выводу, что они лежат значительно глубже, чем может показаться поначалу. Нет, не только великолепная игра актеров—Ю. Толубеева, О. Лебзак, И. Горбачева, А. Соколова, не только мастерски найденный постановщиком внешний образ спектакля создали успех, содействовали признанию этой работы театра. Причины успеха лежат, на мой взгляд, не столько в сфере чисто художественной, сколько в общественно-политической значимости той точной, ясной и глубоко современной мысли, которая волей постановщика пронизала весь спектакль.

1955 год. Страна готовилась к историческому XX съезду партии. Центральный Комитет партии с новой силой ставил перед всем советским народом, перед каждым членом партии вопрос о имевших место нарушениях ленинских норм руководства, принципов партийной демократии.

Страна буквально жила этими проблемами, они были предметом обсуждения на страницах газет и журналов, в цехах заводов, на улицах, за семейным столом. И в этих условиях спектакль о первых героических годах борьбы за Советское государство, поэма о Женщине-Комиссаре, отдавшей свою жизнь в этой борьбе, и финальная фраза Комиссара: «Держите марку военного флота!» — все воспринималось зрителем, как призыв к каждому сидящему в зале в отдельности, все звучало, как обращенный в грядущее завет нам, живущим сегодня, хранить чистоту и святость великого революционного дела, ради которого отдавали жизни наши отцы и деды. Так, в условиях сегодняшнего дня пьеса, связанная, казалось бы, всем своим содержанием только с прошлым, неожиданно приобрела волнующий смысл, глубоко затрагивающий гражданские чувства зрителей.

Не менее интересно, на мой взгляд, то, что произошло в свое время со спектаклем «Персональное дело» А. Штейна на сцене того же Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Премьера этого спектакля готовилась и была показана несколько раньше, чем «Оптимистическая трагедия». Спектакль рождался примерно в тех же условиях, в год подготовки к XX съезду партии и борьбы ЦК за восстановление ленинских норм демократии.

Спектакль рассказывал о честном и преданном коммунисте Хлебникове, неправильно исключенном из рядов партии, познавшем горечь несправедливости, но нашедшем силы для борьбы за свое честное имя при поддержке коллектива. Н. Симонов в роли Хлебникова встречал волну горячего, дружеского сочувствия зрителей, и его победа — победа сил справедливости и принципиальности над шкурником и карьеристом Полуниным, пробравшимся в ряды партии, вызвала самый живой отклик в зрительном зале.

Но что произошло потом? XX съезд партии ясно и недвусмысленно сказал об ошибке прошлого, наметил пути их ликвидации. Страна под руководством партии перешла к решению новых задач, и острота конфликта Хлебников—Полудин отошла в прошлое, перестала волновать зрителей, а спектакль «Персональное дело» постепенно сошел со сцены театра, сделав свое большое и нужное дело.

И тут мы подходим к парадоксальному, казалось бы, выводу — «историческая» «Оптимистическая трагедия» выдержала испытание временем и оказалась более современной, чем «Персональное дело», написанное на животрепещущую тему сегодняшнего дня. Но этот вывод парадоксален только лишь на пер-

вый взгляд. Все дело в том, что при всех своих достоинствах «Персональное дело» было произведением злободневным, остро-публицистическим, в яркой образной форме, в столкновении типичных человеческих характеров ставившее вопросы, которыми жила страна, народ лишь на определенном отрезке времени.

А в «Оптимистической трагедии» подняты вопросы, связанные с самым возникновением и существованием нашего государства, вопросы организующей и преобразующей роли партии в жизни советского народа. В подлинно художественной форме, с огромным накалом страсти и динамикой действия Вс. Вишневский ставит и решает проблемы, которые долго еще будут волновать людей нашей эпохи.

Но все, что говорилось выше, ни в коей мере не отрицает необходимости воплощения на сцене произведений о наших днях, отвечающих самым актуальным вопросам времени. И у нас есть такие произведения. Достаточно вспомнить пьесы «В добрый час!», «В поисках радости» В. Розова, «Годы странствий», «Иркутская история» А. Арбузова, «Цветы живые» Н. Погодина и многие другие.

В мою задачу не входит подробный разговор о пьесах, получивших широкое признание, подробно освещенных в прессе, пьесах, в которых актуальность темы соединяется с глубокой разработкой жизненных типичных характеров. Мне хочется сейчас вспомнить о тех злободневных произведениях в истории советского театра, которые звучали и волновали в полную силу в свое время и, даже сойдя со сцены, продолжают оставаться ярчайшими страницами художественной хроники жизни страны.

Так было с пьесой «Ярость» Е. Яновского, написанной в самый разгар борьбы за коллективизацию, в момент обострения классовых борб в деревне, кровавой схватки нового и старого, стоявшей жизни не одному десятку талантливых коммунистов. И когда в финале спектакля Театра имени А. С. Пушкина, поставленного в сезон 1929/30 года режиссером Н. Петровым, под звуки скорбно торжественного похоронного марша Ю. Шапорина склонялись на сцене знамена с именами павших в классовых боях коммунистов Ленинградской области, весь зал вставал в едином порыве, чтобы почтить память тех, кто отдал свои жизни за счастье грядущих поколений.

Или спектакль «Салют, Испания» А. Афиногенова, поставленный в сезон 1936/37 года в том же Театре имени А. С. Пушкина в самый разгар событий в Испании. Это было подлинно злободневное (в самом высоком смысле) произведение искусства о самоотверженной борьбе испанского народа против фашистской клики Франко. И пусть сегодня, когда перечитываешь эту пьесу, многое в ней кажется схематичным и даже чуждым — в то время она воспринималась совсем по-иному.

А «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова? Кто из зрителей не помнит силы воздействия этих пьес, тех чувств и мыслей, которые будили они в суровые годы Великой Отечественной войны!

Такие примеры можно приводить бесконечно. Я уверен, что, если бы нашелся сейчас драматург, который сумел бы написать драматическую пьесу о первом летчике-космонавте Ю. Гагарине, о его историческом полете, о людях, создавших чудесный космический корабль «Восток», такая пьеса нашла бы живой отклик в зале и принесла бы заслуженный успех драматургу-публицисту.

С волнением читали мы напечатанные в «Правде» очерки Ю. Гагарина «Путь в космос». Разве это не тема для пьесы?.. Жизненный путь простого советского паренька, который работал и трудился здесь, сегодня, сейчас, рядом с нами и стал героем всего человечества... Было бы крайне важно и интересно, чтобы кто-нибудь из драматургов нашел в себе творческие силы написать героическую эпопею об этом, потрясшем весь мир событии, где подвиг Гагарина был бы образным отображением великого исторического пути страны, венцом титанических усилий народа в построении нового общества. В таком произведении жизненный путь героя должен выглядеть как типичный, отражающий те всемирно-исторические сдвиги, которые произошли у нас в стране с Октября 1917 года... Если бы удалось этому драматургу найти своему произведению соответствующую художественную форму, создать неповторимый человеческий характер героя, воспитывающий зрителя силой положительного примера, сделать так, чтобы в малом, единичном, частном безосмысленно угадывалось бы великое, массовое, всеобщее, то такая пьеса была бы подлинно современной и имела бы всенародное признание.

А где пьеса о подвиге А. Зиганшина и его товарищей? Даже кино, которое может оперативнее откликаться на события, чем театр, до сих пор не выпустило давно обещанного фильма на эту тему.

С позиций высоких требований, предъявляемых сегодня народом к искусству, особенно неприязнь вызывают мелькающие в афишах иных театров названия спектаклей. Вот одна из них: «Выгодный жених»

(«Неравный брак»), «20 свадеб в один год», «Две тещи». Совершенно естественно возникает вопрос: что это — театр или филиал Дворца бракосочетания? Я хорошо понимаю потребность в репертуаре увлекательной комедии, на которой зритель вдоволь посмеется. Но почему такой свадебно-брачный уклон в репертуаре?

Самое же неприятное то, что подобные спектакли по месячным, кварталным и годовым отчетам театров проходят как спектакли «о наших днях», «на современную тему», «о людях сегодняшнего дня». Перейдя из области идейно-художественной в область статистики, пьесы эти теряют свои названия, превращаются в солидные трехзначные цифры, позволяющие руководителям театров успокаиваться и успокаивать других видимым благополучием.

Позвольте спросить, если уже зашел разговор о злободневности, что это, как не типичное очковитательство, борьба с которым стала столь злободневной в настоящее время?

Существует и другая, не менее вредная разновидность «лжесовременности», бытующая иногда на сценах театров.

В силу тех или иных причин периодически возникают моды на частные темы преходящего характера, вовсе не являющиеся отражением сколько-нибудь крупных, не говоря уже об исторических, событий, происходящих в стране. Но мода эта порождает коски пьес, торжественно шествующих по сценам многих театров.

Справедливо и вовремя осужден алкоголизм. И сейчас же возникают пьесы о бедных заблудших пьяницах, раскаявшихся любителях бутылки или, наоборот, о «сошедших с круга» алкоголиках. Появились фельетоны о стилягах. И по сцене заплесали в диких рок-н-роллах длинноволосые молодые люди в узких брючках. Они то исправляются, то гибнут, втянутые в какие-то темные шайки уголовников. Но это уже детали, не имеющие большого значения. Объявлена амнистия. И пошли гулять по подмосткам театров воров разных калибров, осознавшие свои проступки или, наоборот, продолжающие упорствовать в нежелании трудиться.

Я вовсе не против того, чтобы в драматургии в той или иной форме поднимались эти вопросы. Но в пьесах такого рода в большинстве случаев нет художественного осмысления действительности, нет глубокого обобщающего анализа.

Я убежден, что где-то в тиши кабинетов уже зреют и наливаются соком новые «шедевры» о тунейдах, получивших по заслугам, и очковитателей, без промедления разоблаченных общественностью, «шедевры», в которых нет ни грама подлинного знания жизни, а есть лишь стремление «откликнуться» на «модную» тему. И скоро посыплются они в литературные части театров и, возможно, даже кое-где промелькнут перед зрителями, не оставив следа в их сердцах.

Все это именно мода, бытописующая мелкие, преходящие, сиюминутные события, дань ситуации под маркой злободневности. Мода, ничего общего не имеющая с подлинной злободневностью, которая всегда поднимает узловые вопросы и проблемы общественно-политического значения, отвечающие подлинным интересам и задачам страны, народа, партии.

Автор этих строк тоже в свое время отдал дань моде, поставив мнимоострую и мнимосовременную пьесу «Вот я иду!», в которой, на первый взгляд, поднимались значительные проблемы воспитания молодого поколения, взаимоотношений «отцов и детей» в нашем обществе, пагубного влияния лжи и фальши в семье на молодежь. Но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что эти проблемы в пьесе не выходили за рамки семейно-бытовых взаимоотношений не очень честного научного работника и его не очень моральноустойчивой жены с их не очень умным сыном. К сожалению, обнаружилось это с полной ясностью после премьеры. Спектакль не получился, зритель его не принял, но это послужило мне, правда слишком дорогим, уроком на будущее — глубоко вникать в сущность пьесы, не принимать желаемое за имеемое, мнимое за подлинное.

Перед советским театром стоят высокие, благородные задачи идейного воспитания советского народа в духе коммунизма. К решению этих задач неустанно призывает нас партия. Пусть же живет в театре подлинно современная пьеса, пусть волнуют зрителя злободневные, бьющие в цель, поднимающие подлинно значительные проблемы нашего времени произведения и не будет места писаниям, модным, потакающим дурным вкусам или скроенным ловкими драматургами на скорую руку и не приносящим зрителям ничего, кроме скуки, разочарования и сожалений о потраченном времени.

Р. АГАМИРЗЯН,
режиссер Большого драматического театра имени М. Горького

Дневниковые заметки, 1961, 2 июня